

ИСТИННОЕ И ПРАВИЛЬНОЕ (О ПРАВОВОМ ИСТОКЕ ПОНЯТИЯ ИСТИНЫ)

Статья посвящена исследованию процесса исторической трансформации концепта истины, который шел в двух направлениях. Сначала — от «правильного к истинному» в результате расщепления синкретического концепта правды (дикэ) и эмансипации истины (алетейя) из сферы древнего права. Затем — в обратном направлении — «от опыта несокрытости к достоверности суждения» в результате вторичной «юридизации» понятия истины (*veritas, rectitudo, justitia*).

Ключевые слова: истина, ложь, достоверность, справедливость, правильность, доказательство, империя, защита, опровержение, Парменид, Хайдеггер.

Рассуждая об исторической судьбе понятия истины, М. Хайдеггер, как известно, говорил о трансформации раннегреческой *λήθεια* как опыта *несокрытости*¹ сущего в позднеримскую и общеевропейскую *veritas*, как *достоверность* знания (веры). Если первое означает *событие* раскрытия сущего в непосредственном опыте созерцания, то второе имеет в виду методическую *процедуру* удостоверения того, что дано (раскрыто) в опыте. Наметившаяся в классический период греческой философии тенденция истолкования истины в смысле *правильности* взгляда (теория эйдосов Платона) и суждения (логика Аристотеля) получает закрепление под воздействием имперско-государственного и церковного духа Рима. Истинное в романском стиле уже не предполагает никакого колебания, ускользания и забвения, которые еще мыслятся в *алетейе* в качестве сил, на которые направлена ее («несокрытости») отрицающая энергия [1]. Истина ставится в прямую зависимость от действия рассудка, приводящего *алетейю* к достоверности, благодаря чему истинность приобретает характер незыблемого суждения, взгляда, веры. *Алетейя*, по выражению Хайдеггера, заключается в «романский бастион *veritas, rectitudo et justitia*» [2, с. 121–122]. Общим смыслом истинности становится *правильность* и соответствующая *директивность*. На архаический слой «непотопленности» и «откровения» как бы накладывается имперская печать высшего повеления. Как утверждает Хайдеггер, «правильное овладевает истинным и устраняет истину» [3, с. 186].

Понятие «правильности» (*verum*) отсылает к праву, а в контексте указанной исторической трансформации понятия истины — к *римскому праву*. Директивный характер права вытекает из представления о незыблемости его основоположений. Правовая норма, как и всякая норма, утверждает некий порядок лишь постольку, поскольку сама утверждена в сознании и практике правоприменения. Право не только охраняет

* © Разинов Ю.А., 2014

Разинов Юрий Анатольевич (razinov.u.a@gmail.com), кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

¹ В отличие от Хайдеггера, мы предлагаем удерживать в фокусе внимания сразу несколько значений термина «алетейя»: несокрытость, неускользаемость, незабвенность.

и защищает те или иные социальные институты, но и само нуждается в постоянной защите. Защита — частный модус утверждения (аффирмации) того, что *правильно*.

Производное от *verum* (правильность), понятие истины (*veritas*) наследует эту черту. Истинное, понятое из существа правильного и верного, а именно как *достоверное*, — это то, что соответствующим образом установлено и защищено: либо логическими аргументами, либо фактами, либо авторитетом священного предания. По настоящему защищают только то, что рассматривают как «истинное», «ценное», «святое». В любом из этих смыслов правильное испытывается путем нападения. Нападение же, как известно, — модус все той же защиты. По этой причине защита собственных аргументов является более значимым элементом оспаривания, нежели опровержение чужих. В этом смысле защита и оборона рубежей составляет существо любого спора. По этой причине военные ведомства обыкновенно именуется ведомствами «обороны», а не «нападения». По этой причине военные ведомства обыкновенно именуется ведомствами «обороны», а не «нападения». Тот же Хайдеггер обращает внимание на то, что латинский корень — *veg*, входящий в основу *verum* и *veritas*, в качестве первоначального имел значение «закрывающее укрытие», «запирание». Немецкое слово *Wahrheit* (истина) этимологически производно от *Abwehr* (защита, оборона) [2, с. 108–109]. Обратим внимание на то, что это прямо противоположно лексической основе греческой *алетейи*, которая не содержит в себе никакого запирания и укрытия, а наоборот, означает непотаенность и раскрытость, а следовательно, в определенном смысле *уязвимость* мыслящего существа перед спонтанным натиском сущего. Защита собственных аргументов составляет существо любого спора и является более значимым элементом, нежели опровержение чужих. Защита диссертации перед лицом ученого совета и по сей день является основным способом обоснования притязаний соискателя на истину.

Разумеется, что понятие истины как моментального озарения в смысле правящей молнии Гераклита или мерцающего бытия в просвете мышления не могло отвечать задачам империи. Установление контроля и наведение всеобщего порядка на обширных территориях, а так же согласование жизни разноязыких народов и культурно неоднородных сателлитов в рамках единого проекта империи требовали властной сосредоточенности ума на принципах такого согласования. *Алетейя* попадает не только в *упряжку идеи* или в более строгую *упряжку суждения*, она попадает в *упряжку стратегического планирования и расчета*. Задача истинного созерцания, привитого техникой правильного суждения, постепенно смещается в сторону эффективного действия, направленного на последовательное овладение сферой сущего. Такая задача требует позиции *доминирующего обозревателя*, каковым и должен быть император, действующий по принципу трех «V»: *veni, vidi, vici* — пришел, обозрел все вокруг, победил. Мерцающий в проекте империи прообраз *субъекта*, приводящего сущее к достоверности, оказывается простой интуицией рассудка. Первоначально сугубо политическое кредо цезарей «разделяй и властвуй» становится матрицей мышления и своего рода политико-онтологическим основанием смещения проблемы истины и справедливости в сферу объединяюще-разъединяющего логоса и утверждения власти *ratio* как инстанции согласования различного рода суждений.

Парадигмой для такого согласования является римское право и соответствующее ему судопроизводство, основанное на процедурах дознания, удостоверения, доказательства. Последнее опирается на неоспоримость аргументов и очевидное «упрямство» фактов. Факты, говорим мы, *у-прямая* вещь. Прямота (*rectum*) доводов считается залогом истины как процедурно установленной *правдивости* (*rectitudo*) и *справедливости* (*justitia*). Русский язык весьма точно фиксирует правовую наследственность ряда философских терминов. Кроме истины, мыслимой в ракурсе правильности, правды и справедливости, философия имеет дело с законами и суждениями, доказательства-

ми истины и опровержениями кажимости. До-казательства и по-казания свидетелей, с которыми имеет дело суд, означают такой способ казания фактов, который имеет характер процедурно удостоверенного, а потому властного повеления. Слово «приказ» так же, как и латинское *impregium*, имеет в виду указующий смысл повеления, осуществляемого в направлении «сверху вниз», что аналогично смыслу греческого слова «категория», которое в дофилософском употреблении означало приговор суда (публичное судоговорение). В имперском, как и судебном, приговоре мы имеем дело с некоторым *категоричным указанием*, которое не терпит возражения. Прямота и строгость суждения и о-суждения, к которым тяготеет судебная и политическая власть, и есть условие его *правлящей* функции. Напротив, кривизна (лукавость) и околичность показаний воспринимаются в судебной логике как ложность или лживость. Заметим, что само понятие ложного (*falsum*) в латинском языке производно от глагола *fallo* (падать). Как таковое ложное — это неустойчивое и приведенное к падению под напором силы или аргументов, одним словом, ниспровергнутое и низлежащее.

Напротив, истинное в ракурсе судебной тяжбы — это прямо стоящее и незыблемое. Оно вертикальное в смысле отнесенности к божественному (небесному) закону и незыблемое в смысле обоснованного самим человеком божественного повеления. И если у Платона, несмотря на изготовленную им «упряжку идеи», истина все еще мыслится в смысле «божественного наития» [4, с. 658], то истинность, понятая в романском стиле, как *justitia* и *rectitudo* действия, есть установление гражданского суда. Она есть *адекватное* установление и как таковая директивна, то есть *властно направляема человеком*. Ее носитель — *гестог* — «правитель», «управляющий», «кормчий», то есть субъект, задающий направление (директиву). Таким образом, сама семантика языка истины как *достоверности* содержит в себе указание на правящее владычество *субъекта*. «Эта исконно римская чеканка сущности истины», говорит Хайдеггер, укореняется в «структуре западной сущности истины», пронизывая собой все остальное и формируя исток всей западноевропейской метафизики [2, с. 112].

Переход от *λήθηα* к *veritas* — от *несокрытости* к *достоверности* — учреждает приоритет правящего отношения, в рамках которого управление весомее присутствия. При этом историческая редукция истинного к правильному отвечает общей установке европейской метафизики на контроль и подчинение сущего целерациональной деятельности субъекта. Однако представленный Хайдеггером вектор движения от «истинного к правильному» создает впечатление вторичности правовой чеканки истины как и самой «юридической» парадигмы ее истолкования. Между тем то понятие *алетейи*, которое немецкий философ называет «первозначением истины», само является результатом эмансипации раннегреческого мышления из-под опеки традиционного обычая и права. Процесс такого высвобождения «зашифрован» в философской поэме греческого философа Парменида.

Одним из ключевых эпизодов этого произведения является передача исторической эстафеты от древней богини Дикэ, символизирующей правосудие к новоиспеченной богине Истине, которая названа Алетейей. Последняя, в отличие от Фемиды и Дикэ, «ненатуральная» богиня. Она — богиня философов, а точнее, аллегория, воспетая Парменидом. При этом Алетейя не агент, не проводник истины в том смысле, в каком мифологическое сознание приписывало ко всякому значимому делу божественного деятеля. Она сама есть Истина. Она не «делатель», а «дело». Называя ее богиней, Парменид утверждает, что истина по своей природе божественна: она — божественный исток для раскрывающего человека. Но особенно важно то, что в контексте основной идеи поэмы — перехода «от мифа к логосу» — она более значимый персонаж, нежели мифическая Правда. Здесь мы имеем вектор движения обратный тому, что осмысливает Хайдеггер: *от правильного* (путь мнения) *к несокрытому* (путь истины).

Вводная часть поэмы, повествующая о путешествии героя во владения богини Истины, играет решающую роль. Стоит заметить, что историко-философская традиция истолкования *проэмия* в качестве *мифопоэтического* введения к рациональному учению о бытии, существенно принижает смысловое значение этой части. Между тем *проэмий* находится в глубокой и сущностной связи с теми идеями, которые Парменид излагает в «основной» части поэмы, где речь заходит о различиях истины и *доксы*. В *проэмии* не только намечена некая *топология перехода*, но и приоткрыто то, что мы вправе назвать *экзистенциальным измерением* (предпосылкой) истины. Центральным эпизодом здесь является прохождение «Ворот путей Дня и Ночи», которые стережет богиня Дикэ. По-гречески это имя звучит как Закон, Правда, Правосудие. То обстоятельство, что путь к Истине проходит через рубежи этого мифологического персонажа, является важной деталью, обычно упускаемой из виду при анализе греческого понятия истины. Даже такой «дотошный» исследователь тончайших смысловых нюансов, как М. Хайдеггер, в своем разборе поэмы Парменида обошел вниманием этот эпизод. Между тем без анализа отношения Ἄλθηα – Δίκη парменидовская концепция истины не является полной. Важным для нас является то обстоятельство, что Дикэ, расположенная *в преддверии* Истины, охраняет доступ к ее «телу».

То, что Истина находится *за* воротами, а Правда *перед* ними содержит два важных указания. Первое состоит в том, что автор устанавливает определенную последовательность в структуре сознательного движения: сначала герой (юноша) должен овладеть областью права, а лишь затем – истины. То, что путь к Истине пролегает через владения Дикэ – через область верховенства закона, говорит о том, что для Парменида, как для греческого мыслителя, этико-правовая сфера, где формируется понятие истины, в историческом и культурном плане предшествует эпистемологической сфере, где происходит раскрытие сущности истины. Второе указание этих «за» и «перед» состоит в том, что истина (ἀλήθεια) мыслится *из* сферы сокрытого (λήθη). Истина расположена «там», за воротами, в области *потайного*, где она фактически *заперта*. В то же время Правда вся «здесь». Она явлена и налична. Кроме того, она отвечает за доступ к Истине. По этой причине прохождение ворот – ключевой момент всей поэмы, причем не только в переносном, но и в прямом смысле этого слова, ибо речь буквально идет о *власти ключей*: «грозовозмездная Правда ключи стережет к ним двойные»². Сдвоенность ключей, внушительность ворот, как и грозный вид самой привратницы – признаки внушительности той затворенной области, где находится *Алетейя*. Появление «несокрытости» является результатом буквального раскрытия ворот. При этом Дикэ характеризуется как «грозовозмездная» или «многокарающая» (ρπλζρπйнпт) богиня – богиня правосудия. Именно от нее путешественник получает *права* на аудиенцию с Истиной. Символически это означает, что над истиной все еще довлеет юридическая санкция, что она – предмет *правообладания*, а всякое право необходимо заполучить, а лучше, заслужить.

Дикэ – дверной медиум, привратник, страж, охраняющий врата в истинный мир. Сами же врата символизируют место перехода через границу, пролегающую между сакральным миром истины и профанным миром мнения. В преддверии истины простирается превратный мир повседневности, в котором проходит широкая дорога смертных. Но там, за дверями – в задверии, лежит узкий и нехоженный человеком «путь божества многовещий» – путь, осмысленный Парменидом как путь бессмертия. То, что некая Правда, Закон или Правосудие фактически *предваряет* Истину, является важным звеном в цепи размышлений о путях исторического формирования концепта истины. В топологическом контексте поэмы это предшествование говорит нам о том,

² Фрагменты ранних греческих философов. С. 295.

что сама встреча с истиной понимается Парменидом как событие, так или иначе обусловленное первичным отношением к закону и праву. Иными словами, правда или справедливость – исторически более ранняя форма истинности, нежели философски осмысленная *алетейя*. Здесь, в преддверии, над *алетейей* будто бы еще довлеет правовая санкция, состоящая в том, что герой должен получить *право на истину*. Поэтому сначала он вступает в область владычества Дикэ и лишь затем – Алетейи. О такой же последовательности разума говорит Кант в своем известном призыве: «*Рассуждайте, сколько угодно и о чем угодно, только повинуйтесь!*» [5, с. 34]. Иными словами, сначала повинуйтесь, а потом рассуждайте, ибо любое рассуждение (тем более дискуссия) в своем начале должно принять *форму закона*, то есть вестись по правилам, и лишь затем в ходе дискуссии оно может приобрести *форму истины*.

Данная последовательность сама по себе означает, что первый шаг человека, совершающего свой земной путь, начинается с освоения мира *доксы*, с признания обычаев, законов и правил. И лишь затем – на втором шаге – он может («имеет право»), говоря словами Парменида, сойти «с людской тропы», чтобы вступить «на путь божества многовещий». Только таким образом он может приоткрыть для себя «нечеловеческий» мир истины. Сам же переход, символом которого является прохождение «Ворот путей Дня и Ночи», связан с определенным испытанием и соответствующим посвящением. Такой переход, разумеется, связан с изменением правового статуса. Можно предположить, что в *проэмии* запечатлен в снятом виде древний инициальный обряд, который, благодаря метафорическому строю повествования, приобретает смысл *инициации мышления* (перехода юноши в состояние «познавшего мужа»).

Заданный поэмой Парменида вектор движения «от правильного к истинному» – важный признак того водораздела, который устанавливается в отношении предшествующей правовой традиции. Если в рамках мифологического сознания *дикэ* носила характер простого соответствия праву в форме обычая и закона, то с началом *осевого времени* она приобретает характер *право-мерности*, т. е. выверенности самого права. Эта мерность, выраженная в идее справедливости, которая есть ничто иное, как *истинное право*, которое устанавливается благодаря *несокрытости* (алетейя) основ миропорядка. Поэма Парменида как первый опыт философского различения истины и права, $\alpha\text{-}\lambda\eta\theta\epsilon\iota\alpha$ и $\delta\acute{\iota}\kappa\eta$ есть в тоже время акт расщепления *синкретического* образа правды, которым было конституировано нормативное сознание *доосевого* эпохи. Данное расщепление, то есть опыт самой истины, в свою очередь меняет взгляд на природу права и справедливости. Приоткрытая Парменидом тема – *право на истину* – в конечном счете оборачивается вопросом об *истине самого права*. С этой точки зрения так описанная Хайдеггером «романизация» греческой *алетейи* – это акт *вторичной* «юридизации» понятия, которое, зародившись в семиотическом слое древнего правосознания, в определенный момент истории вышло из-под его «юрисдикции».

Библиографический список

1. Разинов Ю.А. Понятия «истинного» и «ложного» у Гомера // Вестник СамГУ. 2012. № 8 (99). С. 25–31.
2. Хайдеггер М. Парменид / пер. с нем. А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2009.
3. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и Бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 186.
4. Платон. Кратил // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.Ф. Лосева [и др.]. М.: Мысль, 1990. С. 658.
5. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966.

References

1. Razinov Yu.A. The concepts of «true» and «false» in Homer // Vestnik SamGU. 2012. № 8 (99). P. 25–31.
2. Heidegger M. Parmenides // translated from German by A.P. Shurbelev. SPb.: Vladimir Dal', 2009.
3. Heidegger M. European nihilism // Vremya i Bytie: stat'i i vystupleniya / translated from German by V.V. Bibikhin. M.: Respublika, 1993. P. 186.
4. Platon. Kratil // Platon. Collected works: in 4 vol. V. 1. / translation from ancient Greek; general editorship A.F. Losev [et al.]. M.: Mysl, 1990. 658 p.
5. Kant I. Answer to the question: What is Enlightenment? // Kant I. Collected works: in 6 vol. Vol. 6. M.: Mysl, 1966.

Yu.A. Razinov*

TRUE AND CORRECT (ON THE LEGAL SOURCE OF THE CONCEPT OF TRUTH)

The article devoted to the investigation of the process of historical transformation of the concept of truth, which came in two directions. First direction: «from correct to true» as a result of splitting of syncretic concept of truth (Dica) and emancipation of truth (Aletheia) from the authority of ancient law. Second and opposite direction: «from the experience of unconcealedness to authenticity of judgment» as a result of secondary determination of the concept of truth from the position of law (veritas, rectitudo, justitia).

Key words: truth, falsehood, reliability, justice, accuracy, proof, empire, protection, denial, Parmenides, Heidegger.

---

* *Razinov Yuriy Anatol'evich* (razinov.u.a@gmail.com), the Dept. of Philosophy of Humanitarian Faculties, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.